

Впрочем, даже в искусстве жаловаться на жизнь существует огромная разница.

Можно было бы с кислой миной, обливаясь слезами и причитая, рассказывать о своих невзгодах – такое, конечно, вызвало бы сочувствие, но в нем неизбежно сквозила бы фальшь.

Если перегнуть палку, можно добиться и прямо противоположного эффекта.

Инь Цичи в совершенстве владел всеми тонкостями этого дела: хотя в выражении его лица и читалась глубокая печаль, голос оставался спокойным и ровным.

Он излагал события без прикрас, не сгущая красок и не прибегая к дешевым художественным преувеличениям.

Самое важное – он не растекался мыслью по древу, описывая свои страдания, а, напротив, делал акцент на крохотных радостях или счастливых моментах, которые ему удавалось уловить.

– ...Не ожидал, что подбор пройдет так успешно. Сразу после подписания контракта я получил десять тысяч кредитных очков. Пять тысяч из них я потратил на то, чтобы установить себе лучшую механическую руку.

Цзян ХаньЯ всё это время слушал молча, но теперь не выдержал и спросил, слегка колеблясь:

– Десять тысяч... кредитных очков всего лишь за то, чтобы выкупить твои руки?

– Очень выгодно, правда? – продолжил Инь Цичи, и в его голосе прозвучало некое облегчение.
– Моя совместимость была довольно высокой, целых восемьдесят процентов, поэтому мне и выплатили десять тысяч. Если бы совместимость оказалась ниже, денег дали бы куда меньше.

– В тот день я потратил сто кредитных очков на одну бутылку питательной жидкости. Можно сказать, позволил себе маленькую роскошь. На вкус она была гораздо приятнее пищевого геля, к тому же со вкусом клубники.

– К тому же механическая рука действительно оказалась гораздо удобнее, чем плоть. Когда берешься за дело, больше не нужно беспокоиться о том, что рука затечет или устанет, снижая общую эффективность работы.

Инь Цичи добавил:

- Жаль только, что позже, когда пришло время подбирать внутренние органы, совместимость оказалась недостаточно высокой, так что заработать много не удалось.

Цзян Ханья молчал.

Почему мир, в котором жил Инь Цичи, звучал как настоящее логово демонов?

- Придя в этот мир, я впервые попробовал мясо в истинном смысле этого слова.

Инь Цичи говорил, но вдруг словно осознал что-то и замолчал.

Вместо того чтобы раздувать пламя страданий, куда лучше было рассказать о крохотном «счастье» посреди этих мук.

В этом и заключалось высшее искусство жалоб на жизнь.

Но и здесь нельзя было переборщить – если говорить слишком много, это тоже не приведет к хорошему. Во всем важна мера.

- Редко встретишь человека, который был бы готов меня выслушать. Не заметил, как наговорил столько лишнего. Всё это пустяки, ты, должно быть, уже устал слушать.

Цзян Ханья молча покачал головой.

Изначально он очень хотел дистанцироваться от Инь Цичи, и требование долга казалось отличным предложением:

«Ты ни с того ни с сего забрал у меня столько вещей, немедленно верни их!»

А если тот откажется – тогда применить силу.

Но теперь, выслушав Инь Цичи, Цзян Ханья уже не мог так поступить.

Да бог с ним, подумаешь, несколько трупов магических зверей... взял – так взял, не стоит из-за этого мелочиться.

Поначалу, из-за того что рассказ звучал слишком фантастично, Цзян Ханья сомневался в правдивости прошлого Инь Цичи.

Однако по мере того, как тот продолжал, появлялось всё больше деталей, и все они идеально стыковались с событиями, о которых он говорил.

Цзян Ханья понял: Инь Цичи не лжет.

Даже самый искусный мастер обмана не смог бы выдумать столь странную и невероятную историю.

Просто... причудливость того чужого мира глубоко потрясла Цзян ХаньЯ, человека «древности».

Взглянув на Инь Цичи снова, Цзян ХаньЯ уже не мог сохранять ледяное, враждебное выражение лица.

Эти перемены, конечно, не ускользнули от глаз Инь Цичи.

В глубине его зрачков на мгновение мелькнул лукавый блеск.

Ох, как же легко он размяк.

По сути, в его родном мире жизненный путь Инь Цичи можно было считать средним или даже выше среднего.

Его вполне можно было назвать «удачливым».

Сам он никогда не считал свою жизнь настолько уж несчастной.

Разве у тех, кто жил в той же среде, не было похожих историй?

Если бы он тогда согласился участвовать в экзамене, то стопроцентно прошел бы его, стал бы сотрудником компании, а потом, если не совершать грубых ошибок, жил бы спокойной и размеренной жизнью.

Жилой квартал для сотрудников, развлекательная зона для персонала...

Безопасно, комфортно, и больше не нужно жить в постоянном страхе.

Это было равносильно тому, как карп перепрыгивает через врата дракона.

Просто Инь Цичи не хотел быть рабом, который постоянно кланяется и лебезит, предпочитая рисковать собственной головой ради свободы.

Иначе бы этого не случилось... Впрочем, сейчас казалось, что всё это обернулось благом.

- Посмотри на эту систему межмировой торговли.

Инь Цичи объяснил принцип её работы, а затем добавил:

- Она забрала половину, а с оставшейся половины взяла тридцать процентов комиссии. К тому же я потратил баллы на обмен медицинского отсека.

- Я не хотел этого делать. Просто потерял искусственный глаз и не мог быстро прочитать условия, как раньше. К тому же ситуация была критической. Я знал, что не смогу победить тебя. Я не боюсь смерти, я просто дорожу нынешней жизнью, которая кажется мне раем, и всё думал: если бы можно было прожить еще хоть несколько дней...

- ...Ладно, на самом деле я всё же боюсь смерти.

- Не ожидал, что в будущем совершу подобное. Наверное, это и есть «с кем поведешься, от того и наберешься». Я такой же грешный, как и мир, в котором жил раньше, и даже в этом прекрасном новом мире принесу лишь беды.

- Вещи, которые я тебе задолжал... я не смогу вернуть, прошу прощения. Но в той книге записаны шансы, которые ждут меня в будущем, иди и забери их себе.

- Мне очень неловко, что тебе приходится самому их добывать.

Цзян Ханья молчал.

Цзян Ханья молчал еще дольше.

Его решимость пошатнулась.

Часто бывает так, что люди, узнав о злодеяниях некоего грешника, начинают докапываться до самой сути его поступков и обнаруживают, что за ними стоит трагическое, полное лишений прошлое. В такие моменты всё вокруг начинает казаться оправданным, и даже самые чудовищные преступления злодея внезапно обретают в глазах окружающих понятную, почти простительную логику.

Но Цзян Ханья так не считал.

То, что злодей прошел через тяжелые испытания в юности - это, безусловно, несчастье, но разве те, кто пострадал от его рук, виноваты в его бедах?

Если бы Инь Цичи попытался оправдать свои поступки ужасами прошлого, Цзян ХаньЯ не проникся бы к нему ни каплей сочувствия, даже если бы те невзгоды были в сто раз страшнее и мучительнее нынешних. Личные страдания, какими бы глубокими и невыносимыми они ни были, никогда не могут служить оправданием для причинения вреда невинным людям.

Однако Инь Цичи не только не стал этого делать, но и прямо, без тени сомнения, признал свою вину. Он был искренне убежден, что именно так и поступит в будущем, и что он действительно заслуживает смерти... Более того, он даже подумывал отдать всё своё «наследство» Цзян ХаньЯ в счет погашения долга.

Это было уже слишком...

Цзян ХаньЯ больше не мог сохранять своё сердце холодным и беспристрастным.

- Об этом пока не стоит думать, - голос Цзян ХаньЯ прозвучал несколько резковато. - Не стоит так принижать себя. Раз уж в будущем ты станешь единственным достойным меня противником, значит, ты непременно обладаешь выдающимися качествами.

Как только эти слова сорвались с его губ, Цзян ХаньЯ заметил, что Инь Цичи снова посмотрел на него с тем самым нескрываемым восхищением, от которого по спине невольно пробежали мурашки.

Хотя, если судить по росту, Инь Цичи был выше Цзян ХаньЯ на целую голову, сейчас, глядя на него таким взглядом, он казался истинно верующим, что стоит у подножия алтаря и с благоговением взирает на божество, которому поклоняется. Возможно, кому-то и льстили бы подобные взгляды, но Цзян ХаньЯ определенно не входил в их число.

Он всегда считал Инь Цичи единственным равным себе противником - двумя чашами весов, которые находились в идеальном, безупречном равновесии. Теперь же, когда этот равный противник превратился в нечто подобное, Цзян ХаньЯ почувствовал себя крайне неловко.

- Ответь мне, - Цзян ХаньЯ собрался с духом, - какое твое самое заветное желание в этот миг?

Инь Цичи на мгновение задумался и тихо ответил:

- Если это возможно, я бы хотел напоследок вкусить настоящей еды.

- Не той безвкусной жижи, вроде пищевого геля, которой можно лишь набить желудок, чтобы не умереть с голоду, а настоящей трапезы: с рыбой, сочным мясом и терпким вином. Чтобы вкус был по-настоящему хорошим, и чтобы я мог съесть столько, сколько пожелаю. А если после того, как я буду сыт и пьян, мне удастся умереть без боли - будет еще лучше.

Цзян ХаньЯ молчал.

- Я имел в виду иное: когда ты только впервые ступил на континент Черной Черепахи, каким было твое самое сокровенное желание?

Инь Цичи ответил:

- Мое прежнее желание было весьма расточительным: найти себе прекрасную жену, обрести силу, достаточную для защиты, и просто жить в достатке и покое.

«Лгу, мое желание и сейчас осталось прежним», - подумал он про себя.

Цзян ХаньЯ снова замолчал. Неизвестно почему, но он вдруг ощутил прилив необъяснимого раздражения. Он почувствовал себя словно злодеем из старых историй, который не может выносить чужого счастья и стремится лишь к тому, чтобы всё разрушить.

Цзян ХаньЯ тяжело вздохнул:

- Давай поступим следующим образом. Есть еще один путь: если ты готов, вернувшись на континент Черной Черепахи, дать клятву небесного пути и пообещать, что даже достигнув стадии великого императора, ты не причинишь континенту Черной Черепахи ни малейшего вреда, тогда... тогда наш поединок можно будет отменить...

Изначально Цзян ХаньЯ не собирался прибегать к такому методу. Потому что в душе каждого истинного гения живет несломленный дух непокорности. Если бы они поменялись местами, если бы на месте Инь Цичи оказался он сам, Цзян ХаньЯ ни за что на свете не согласился бы на столь унижительное требование.

«Это не просто давление будущим, которое еще не наступило, но и принуждение дать клятву небесного пути ради призрачной надежды на спасение. Это означало бы растоптать саму суть достоинства истинного гения».

Он предпочел бы сразиться, даже не имея ни единого шанса на победу, даже если бы это неизбежно означало смерть, чем унижительно соглашаться на подобные условия ради жалкого, подавленного существования.

Цзян ХаньЯ судил по себе и полагал, что раз Инь Цичи в будущем станет великим императором, то он, несомненно, является выдающимся гением, обладающим гордостью и достоинством, которые нельзя попирать. Разве мог он согласиться на такое постыдное требование?

Поэтому он и не предлагал этого. Пока не...

Эх.

- Правда?! - Инь Цичи резко вскинул голову, и в его глазах вспыхнул лихорадочный, яркий свет.

Он, казалось, не мог поверить собственным ушам:

- Ты... ты правда готов мне поверить?

Цзян ХаньЯ изо всех сил старался сохранить на лице маску невозмутимости и бесстрастно произнес:

- Я верю не тебе, а силе клятвы небесного пути.

- Если ты принесешь клятву, но осмелишься её нарушить, то даже будучи великим императором, ты мгновенно лишишься всей своей культивации. И сколько бы ты ни пытался начать всё сначала, ты больше ничего не добьешься.

Инь Цичи, казалось, совершенно не слышал этих холодных слов, и его взгляд заставил Цзян ХаньЯ почти покрыться холодным потом.

- Тебе не нужно так на меня смотреть, - голос Цзян ХаньЯ стал почти слабым. - На самом деле я вовсе не стремился тебя спасти. Я думал лишь о собственной выгоде, опасаясь, что если ты погибнешь, я сам не смогу вернуться на континент Черной Черепахи. Так что тебе совершенно не за что меня благодарить.

Инь Цичи ответил:

- М-м, хорошо, как скажешь... я во всем буду тебя слушаться.

Цзян ХаньЯ молчал. Давление стало почти невыносимым. Как всё дошло до такого состояния?!

Внезапно с небес донесся величественный, гулкий голос, в котором звучало едва сдерживаемое раздражение:

- Это ты, пользуясь чужой слабостью, посмел обидеть человека из моей семьи Инь?!

Услышав это, Цзян ХаньЯ почувствовал себя так, словно с его плеч свалился огромный груз. Он поспешно бросил Инь Цичи несколько высокоуровневых защитных артефактов и, собрав все свои силы, стремительно взмыл в небо:

- Это я, и что с того?!

Он намеренно провоцировал противника, желая воспользоваться случаем и как следует сразиться. И действительно, его дерзкий ответ привел владельца голоса в ярость:

- Неисправимый наглец! Даже если твой талант поистине выдающийся, этот старик не позволит тебе уйти отсюда живым!

- Как раз вовремя! Я и сам как раз мечтал с тобой сразиться!

<http://bllate.org/book/17943/1720829>